

Великое Ничто

На выставке «Супрематический канон» в Московской галерее Гари Татинцяна показана графика Казимира Малевича и его верных апостолов — Чашника и Суетина. Эти работы, как и макеты революционных памятников от украинского авангардиста Василия Ермилова, — часть зарубежной коллекции, вывезенной 30 лет назад из СССР. Не исключено, что реликвии супрематизма вернулись на родину окончательно.

Известия - 2006 - 25 июля - с 10.
ДМИТРИЙ СМОЛЕВ

Если судить по количеству выставок и публикаций, которыми обставлен феномен русского авангарда, может возникнуть впечатление, что мы имеем дело с очень масштабным культурным явлением. Впечатление это обманчиво: круг новаторов был весьма узок, все фигуры известны наперечет. Соответственно, и слой авангардного искусства не мог быть чересчур жирным: здесь не то что с экскаватором — с лопатой не разгуляешься. К тому же главные произведения давно осели в музеях, так что на нынешнем арт-рынке имеют хождение, как правило, вещицы второстепенные, а то и вовсе контрафактные.

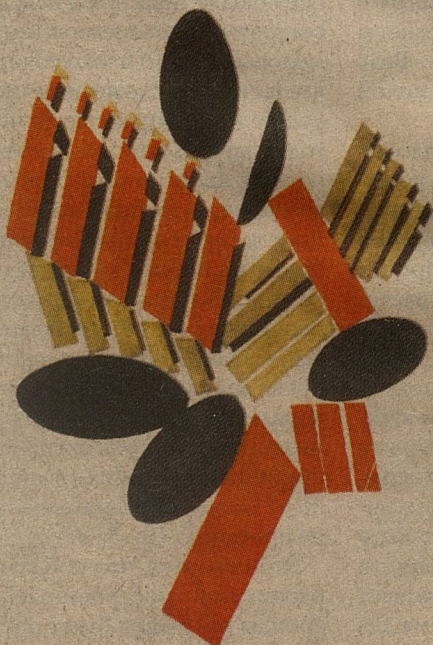
Однако к представленной в Москве коллекции сказанное не относится. По крайней мере, ее аутентичность сомнений не вызывает. Графику супрематистов собирал когда-то художник Лев Нусберг — большой поклонник авангарда, знавший в нем толк и водивший личное знакомство с наследниками «утвердителей нового искусства». Эмигрируя в 1976 году, Нусберг вывез за океан и свою коллекцию, которая с тех пор не выпадала из поля зрения специалистов. По каким причинам она сегодня распродается, сказать трудно, но факт остается фактом: стать владельцами раритетных экспонатов

предложено российским покупателям. Говорят, первые сделки уже зафиксированы — впрочем, таинственности, окутывающей сферу антикварного бизнеса, позавидуют и спецслужбы.

Зато сами произведения сейчас на виду, в открытом показе. Преобладают здесь эскизы беспредметных композиций — карандашные, тушевые, акварельные. В другом случае этот репертуар именовался бы творческой кухней, а то и творческим мусором. Ведь за всяким художником тянется километровый шлейф из набросков и почеркушек. Но супрематизм — особая история, тут метод едва ли не важнее конечного результата. Принято считать, что мистико-утопическая, почти сектантская деятельность Казимира Малевича со товарищи в корне преобразила искусство XX века, и посему важны любые свидетельства тех исканий.

Что ж, важны, спору нет. Проблема в другом: специфические вопросы искусствознания не первый год выступают в качестве либретто для шоу. Даже забавно: ну что широкому зрителю до Гекубы, то есть до потаенного смысла кружочков и квадратиков? Оставить бы тему на попечение знатоков, дать публике передышку — глядишь, сама бы встрепелась: что-то нам давно русского авангарда не показывали... Но нет, механизм запущен, антрактов не предусмотрено.

Помнится, в последний раз всплеск общественных эмоций случался у нас на заре перестройки, когда полузапретный авангард стали внедрять в музейный обиход. Тогда все спрашивали: что за «Черный квадрат» такой? Как прикажете понимать? В ответ обрушились десятки комментариев про «икону нового времени» и «великое Ничто». Массового сознания они так и не достигли, но зритель смирился и по привычке: видать, и впрямь это что-нибудь значит, раз так настойчиво рекламируют. А решающим доводом стали сводки с международных аукционов, где супрематические лоты уходили по запредельным, поистине космическим ценам. С тех пор и повелось: если дорого стоит — значит, интересно всем и всегда. Нет теперь информационных поводов более дежурных и крикливых одновременно, чем выставки с участием проунов, архитектонов и других порождений авангардного сознания. А куда денешься, если мир признал за Россией только такие приоритеты.

Николай Суетин.

«Эскиз к супрематическому декору»